

Ю.Ю. Гребенщиков,

Московский городской педагогический университет,

г. Москва, Россия.

E-mail: astrum.virtu@gmail.com

**Образы «дворянских гнезд»
в романах И.А. Гончарова «Обрыв»
и И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»**

В статье рассмотрены представления о «дворянском гнезде» главных героев романов И.А. Гончарова «Обрыв» и И.С. Тургенева «Дворянское гнездо». С возвращением на родину для Райского и Лаврецкого становится возможным постепенное обретение своего места в мире. Это путь, который начинается с ощущения себя во времени и пространстве. Важное значение для развития характеров имеет столкновение с Другим. В результате и для Райского, и для Лаврецкого важнейшими составляющими «дворянского гнезда» оказываются семья и родной дом.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; И.С. Тургенев; «Обрыв»; «Дворянское гнездо»; образ «дворянского гнезда».

Yu. Grebenschchikov

**Images of «Dvorjanskoe Gnezdo» («Noble Nest»)
in I.A. Goncharov's Novel «The Precipice»
and in I.S. Turgenev's Novel «The Noble Nest»**

The article considers representations of protagonists of the novels «The Precipice» of I.A. Goncharov and «The Noble Nest» of I.S. Turgenev about their images of «a noble nest». With returning to the Homeland it becomes possible to Rajskij and Lavreckij to gradually find their place in the world. It's a path that begins with a self-feeling in time and space. A collision with the Other is a very important motive in the development of the characters. As a result, the most essential parts of the image of «the noble nest» for Raijskij and Lavretsky both are the images of a family and home.

Keywords: I.A. Goncharov; I.S. Turgenev; «The Precipice»; «The Noble Nest»; the image of «a noble nest».

Цель данной статьи состоит в том, чтобы сопоставить образы «дворянских гнезд» в романах И.А. Гончарова «Обрыв» и И.С. Тургенева «Дворянское гнездо». Постановка этой проблемы определяется тем, что образ «дворянского гнезда» является одним из центральных как для романа Гончарова, так и для романа Тургенева, поскольку именно с ним связана постановка «русского вопроса». Ракурс исследования направлен на такое явление, как *семья*, и его роль в создании образов «дворянских гнезд» в указанных романах.

Сопоставление двух «дворянских гнезд» — «Обломовки» Гончарова и собирательного «гнезда» Тургенева — осуществил В.Г. Щукин [6]. Ученого интересовала в первую очередь роль «географических и социальных пространств в человеческой жизни» и воплощение этих пространств в «специфическом мире художественных произведений» [6: с. 157]. При этом для В.Г. Щукина «дворянское гнездо» — это синоним дворянской усадьбы, или «социокультурный локус» «со своей атмосферой (или, строже — семиосферой), которая там господствует» [6: с. 189]. Вне поля зрения исследовательского взгляда остается одна из ведущих составляющих образа «дворянского гнезда» — *семья*.

Известно, что замысел романа И.А. Гончарова «возник в 1849 году» [4: с. 60], т. е. на 10 лет раньше, чем был опубликован роман Тургенева. Известно также, что Тургенев был внимательным слушателем Гончарова. В.А. Недзвецкий указывает, что Тургенев «испытал сильное и плодотворное для него влияние не только гончаровских рассказов из “Обрыва”, но и гончаровского романа в целом», ученый прямо называет писателя «учеником» «гончаровской школы» [3: с. 183, 188].

Появление главных героев в романах связано с их возвращением на родину, в свой дом, где они давно не были. Для обоих героев возвращение домой — это возвращение к своим корням, основам, к источнику и прочному фундаменту жизненных начал. Райский едет на каникулы в свое родовое имение. Он возвращается не только в свой родной дом, но и прежде всего в единственную, по сути, свою семью: «у сироты вдруг как будто явилось

семейство» [1: с. 71]. Лаврецкий же показан возвращающимся в семью в более общем понимании: это его родовая семья (семья как фамилия). После долгих скитаний по Европе, последовавших за скандальной историей разрыва с женой, Лаврецкий «почувствовал себя в силах возвратиться на родину, встретиться с *своими*» [5: с. 55] (курсив мой. — Ю. Г.).

И в романе «Обрыв», и в романе «Дворянское гнездо» возвращение героев на родину начинается с соприкосновения с памятью рода, «разлитой» в предметах из прошлого: старинных портретах, книгах, одежде, мебели, принадлежавшим предкам героев, самой сохранившейся, словно законсервированной, обстановке дома (оговоримся, что речь идет только о старом каменном доме в «Обрыве» и о доме Глафиры Петровны Лаврецкой в «Дворянском гнезде»). Вместе с воскрешением образов минувшего в памяти героев «пробуждаются» и сами дома. Ощущение пустоты (в Малиновке «весь дом пропитан пылью и пустотой» [1: с. 76]; Лаврецкого встречают «опустелые покои» [5: с. 61]) постепенно исчезает. Одновременно и пустоты в душе героев начинают выдавливаться.

Отметим параллели в изображении этого процесса. Сначала дома предстают «спящими»: двери и окна заперты, а крыльцо и двор заросли травой. В Малиновке показан старый каменный дом «в глубине двора» — «мрачный, почти всегда в тени, серый, полинявший, местами с забитыми окнами, с поросшим травой крыльцом, с тяжелыми дверьми, замкнутыми тяжелыми же задвижками» [1: с. 59]. Дом в Васильевском «на вид казался ветхим», а двор его зарос крапивой [5: с. 61]. Для Райского дом «оживает», когда постепенно отпираются двери в комнаты, где он «родился, жил и о которых осталось у него смутное воспоминание» [1: с. 75]. Дом Глафиры Петровны «пробуждается» для Лаврецкого вместе с тем, как «ставни со стуком и визгом отворяются один за другим и дневной свет проникает» внутрь [5: с. 61]. Завершает процесс «пробуждения» героев их обращение к детским воспоминаниям. Верочка «находит» для Райского картины и книги его отца и деда, о которых герой сначала «не вспомнил» [1: с. 77].

В Лаврецком же «много воспоминаний возбудили» «давно забытые, но знакомые» «Символы и эмблемы» [5: с. 66] — книга, служившая в детстве героя единственным источником знаний и способом понимания мира.

В первый, после долгого отсутствия, приезд в Малиновку Райского охватывает инерция покоя и тишина вечной природы: «Райский почти не чувствовал, что живет», «он убаюкивался этой тихой жизнью» [1: с. 246]. Подобные ощущения испытывает и Лаврецкий в Васильевском: «вернувшись домой <...> [он] погрузился в какое-то мирное оцепенение» [5: с. 64].

Эти почти элегические темы, как в случае с Райским, так и в случае с Лаврецким, неожиданно получают мажорное разрешение. Успокоение и «убаюкивание» всех чувств Райского — это подготовка душевных сил к чему-то необыкновенному. Сначала герой предвосхищает привычное для него приближение «тоски», но его оставляют «впечатления наивной среды, куда он попал», а затем ему становится приятен «ласковый луч солнца, добрый взгляд бабушки, радушная услужливость дворни, рождающаяся нежная симпатия Марфиньки — особенно последнее» [1: с. 246]. В момент, когда «тишина обнимает» Лаврецкого «со всех сторон», когда он снова чувствует себя на «дне реки» и, подобно герою поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри»¹, близок к смерти, — в этот момент в герое происходят неожиданные изменения: «скорбь о прошедшем таяла в его душе, как весенний снег, и — странное дело! — никогда не было в нем так глубоко и сильно чувство родины» [5: с. 64, 65].

Новый толчок к раскрытию и пониманию себя, который получают герои, — это чувство любви к девушке и столкновение с «особенным» Другим.

Для Райского это прежде всего два человека — Вера (теперь уже повествователь не называет ее Верочкой) и бабушка. Герой переживает ряд метаморфоз своего восприятия, вызванных открытием новых граней в указанных женских образах. Сначала

---

¹ «Меня томил / Предсмертный бред. / Казалось мне, / Что я лежу на влажном дне / Глубокой речки» [2: с. 449].

в Райском усиливается ощущение жизни: он «“познавал самого себя”» и «благоговейно ужасался, чувствуя, как приходят в равновесие его силы» [1: с. 553, 554]. Затем герой стремится понять Веру, которая, по его словам, «огнем страсти, испытания очистилась до самопознания и самообладания», бабушка же «была загадкой для него» — и «он напрасно искал ключа» [1: с. 682]. Последний шаг к пониманию окружающих и себя ему еще только предстоит сделать, а пока «проходили дни, и с ними опять тишина повисла над Малиновкой», «опять жизнь, задержанная катастрофой, как река порогами, прорвалась сквозь преграду и потекла дальше, ровнее» [1: с. 690]. Лишь в финальных главах Райский понимает, какое значение для него имеют семья и его родной дом. Впервые на родственное обращение Веры «Брат!» Райский реагирует спокойно и с ощущением счастья [1: с. 768]. А на вопрос Веры: «если скука опять будет одолевать тебя, заглянешь ли ты сюда, в этот уголок, где тебя теперь понимают и любят?..», — Райский отвечает: «Непременно, Вера! Сердце мое приютилось здесь: я люблю всех вас — вы моя единственная, неизменная семья, другой не будет! Бабушка, ты и Марфинька — я унесу вас везде с собой» [1: с. 768].

Находясь за границей, Райский определяет Малиновку как *свой* дом, а бабушку, Веру и Марфеньку как *свою* семью: «Ему хотелось бы набраться этой [римской] вечной красоты природы и искусства, пропитаться насквозь духом, окаменелых преданий и унести всё с собой туда, в свою Малиновку... За ним всё стояли и горячо звали к себе — его три фигуры: его Вера, его Марфинька, бабушка. А за ними стояла и сильнее их влекла его к себе — еще другая, исполинская фигура, другая великая “бабушка” — Россия» [1: с. 772].

В отличие от Райского, Лаврецкий так и не обретает своего «гнезда», своей семьи. И хотя герой находит цель в жизни («пахать землю и стараться как можно лучше ее пахать»), хотя он становится «действительно хорошим хозяином», «отцом» для своих крестьян, — тем не менее у него нет, как у Райского, сокровенного места на земле, своего «гнезда», дома — в понимании их как родных и близких людей, которые его любят и всегда ждут [5: с. 102, 157].

Литература

1. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / ред. кол.: В.А. Котельников, Е.А. Краснощекова, Т.И. Орнатская, М.В. Отрадин, К. Савада, Н.Н. Скатов, П. Тирген, В.А. Туниманов. Т. 7. СПб.: Наука, 2004. 776 с.
2. *Лермонтов М.Ю.* Мцыри // Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 5 т. / ред. текста и коммент. Б.М. Эйхенбаума. Т. 3: Поэмы и повести в стихах. М.; Л.: Academia, 1935. С. 431–454.
3. *Недзвецкий В.А.* Печальная летопись И.А. Гончарова («Необыкновенная история») // Статьи о русской литературе XIX–XX веков, научная публицистика, воспоминания. Нальчик: Тетраграф, 2011. С. 171–190.
4. *Недзвецкий В.А.* Философия и реальность любви («Обрыв») // Недзвецкий В.А. Романы И.А. Гончарова. М.: МГУ, Просвещение, 1996. С. 60–78.
5. *Тургенев И.С.* Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 5–158.
6. *Щукин В.Г.* Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Щукин В.Г. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей / гл. ред. С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007. С. 155–458.

References

1. *Goncharov I.A.* Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t. / red. kol.: V.A. Kotel'nikov, E.A. Krasnoshhekovna, T.I. Ornatskaya, M.V. Otradin, K. Savada, N.N. Skatov, P. Tirgen, V.A. Tunimanov. T. 7. SPb.: Nauka, 2004. 776 s.
2. *Lermontov M.Yu.* Mczy'ri // Lermontov M.Yu. Poln. sobr. soch.: v 5 t. / red. teksta i komment. B.M. E'jhenbauma. T. 3: Poe'my' i povesti v stixax. M.; L.: Academia, 1935. S. 431–454.
3. *Nedzvezckij V.A.* Pechal'naya letopis' I.A. Goncharova («Neoby'knovennaya istoriya») // Stat'i o russkoj literature XIX–XX vekov, nauchnaya publicistika, vospominaniya. Nal'chik: Tetragraf, 2011. S. 171–190.
4. *Nedzvezckij V.A.* Filosofiya i real'nost' lyubvi («Obry'v») // Nedzvezckij V.A. Romany' I.A. Goncharova. M.: MGU, Prosveshhenie, 1996. S. 60–78.
5. *Turgenev I.S.* Dvoryanskoe gnezdo // Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. 2-e izd., ispr. i dop. T. 6. M.: Nauka, 1981. S. 5–158.
6. *Shhukin V.G.* Mif dvoryanskogo gnezda. Geokul'turologicheskoe issledovanie po russkoj klassicheskoj literature // Shhukin V.G. Rossijskij genij prosveshheniya: issledovaniya v oblasti mifopoe'tiki i istorii idej / gl. red. S.Ya. Levit. M.: ROSSPE'N, 2007. S. 155–458.